«Зелим - хан и разбои на Кавказе»

(автор - Мишель Павлович)

Заметки о мусульманах Кавказа. Журнал «Мир мусульман», (Revue du monde musulman) том XX, 1912, с. 135–161

Источник статьи: «Archives diplomatiques, Bibliothèque diplomatique numérique».
«Дипломатический архив, Цифровая дипломатическая библиотека».
. Предисловие подписано А. Л. К.

ЗАМЕТКИ О МУСУЛЬМАНАХ КАВКАЗА
ЗЕЛИМ-ХАН
МЮРИДИЗМ

I

Г-н М. Павлович, чья независимая и достоверная документация, а также авторитетные суждения в исследованиях по актуальным вопросам персидской политики не раз вызывали признательность читателей журнала «Revue du Monde Musulman» («Обзор мусульманского мира»), уже давно интересовался, известно ли редакции об необычайных приключениях абрека Зелим-хана на Кавказе.

В ходе этой беседы возникло обоюдное желание осветить данную тему. Г-н Павлович любезно откликнулся на нашу просьбу, передав нам интересное исследование, открывающее рубрику «Заметки о мусульманах Кавказа».

Наши читатели будут признательны этому выдающемуся корреспонденту крупного русского журнала «Современник», автору многочисленных содержательных трудов по международной политике. Его работы справедливо пользуются известностью в российских либеральных кругах, поскольку он привлекает внимание к одной из ключевых проблем, которые призвана решать мусульманская политика России.

Вопрос об отношениях кавказской администрации с горцами является одним из наиболее серьёзных, и изложение г-на Павловича вызывает немало размышлений о применяемых методах.

Второе желание, вызванное историей Зелим-хана, было более сложным. Мы стремились дать хотя бы приблизительное представление о роли и деятельности на Кавказе «религиозных орденов» и «людей Пути». Гипотеза о связи между Зелим-ханом и тарикатом послужила достаточным основанием для включения этой темы в наше исследование.

Если эти задачи решены не в полной мере, то вовсе не из-за недостатка стараний или времени, а по причине отсутствия документов. Пожалуй, нет в мире другой страны, где было бы так трудно, как в России, добыть даже самые обычные книги, если находишься за её пределами, — особенно когда тема может быть истолкована как имеющая отношение к «политике».

Пока автор исследований работал с материалами парижских библиотек, мы пытались раздобыть в России издания, которые, по всей вероятности, должны были быть в продаже. Однако нам не повезло ничуть не больше, чем прежде при аналогичных попытках в Санкт-Петербурге, Москве и Казани.

Итак, перед вами заметки, собранные специально для журнала в качестве комментария и продолжения статьи г-на Павловича. Следует отметить, что они связаны переходами — более или менее обоснованными, — призванными интерпретировать собранные данные.

Позвольте нам по этому поводу сформулировать и третье желание. Военное управление Кавказа, пожалуй, обладает самой старой документацией по «мусульманским делам» среди всех европейских администраций. Еще в 1847 году, когда архивы Алжира лишь начинали формироваться, фонды канцелярии Наместника Его Императорского Величества в Тифлисе предстали перед г-ном де Ханиковым в исключительно богатом виде. Там он обнаружил дело под заглавием: «Сведения о местах, почитаемых мусульманами Кавказа, куда они отправляются на паломничество» (см. статью М. Н. де Ханикова «О мусульманских рукописях Кавказа» в «Азиатском журнале», 1862, № 8, с. 3).

Если сопоставить этот факт с теми выводами, которые напрашиваются при изучении кавказских сборников, нельзя сомневаться: публикация материалов по мусульманским делам из главного управления в Тифлисе была бы чрезвычайно поучительной и полезной. Отсюда возникает желание придать новый импульс «туземной политике» в мусульманской России, следуя именно тому документальному подходу, который мы хотели бы видеть реализованным и во французской мусульманской политике.

Подойдя к концу «Заметок о мюридизме», читатели поймут это желание. Достаточно оглянуться на то, что происходит у нас на глазах в Марокко, чтобы осознать две вещи: лишь глубокая историческая, социологическая и юридическая критика способна предотвратить ошибки, в которые неизбежно впадают европейские администрации — какие бы они ни были — в вопросах политики по отношению к коренному мусульманскому населению.

Сами колонизаторы создают своих Абделькадеров и Шамилей. Сначала они не замечают возникновения религиозных братств (хейба) и позволяют им разрастаться, не отдавая себе в этом отчета; затем сами же возводят их лидеров в ранг «султанов». В конечном итоге оказывается, что значительные усилия затрачены ради весьма скромных результатов — как это случилось в случае с Зелим-ханом.

Специализированная научная работа, со своей стороны, оказывается запертой в библиотечных фондах или сводится к фрагментарным исследованиям из-за отсутствия административного содействия. А ведь администрация в своих собственных интересах должна была бы оказывать такую поддержку с либеральной щедростью. Вероятно, если бы руководители мусульманской политики Франции и России осознавали, в какой степени закрытость архивов облегчает интриги их иностранных противников, они бы задумались о том, во что обходится и какую выгоду приносит англичанам метод систематического сбора, обработки и обобщения информации в масштабных справочных трудах, подготовленных коллективами специалистов.

Известен, по меньшей мере, один пример успешной реализации такого подхода. Для нас Марокко не может служить эквивалентом Египта в этом контексте. Именно «Отчет по

Египту» за 1879–1880 годы и предшествующие ему подготовительные исследования позволили Англии уверенно войти в зону операций, откуда Франция была вытеснена иллюзорными представлениями о египетской армии. Более того, и Россия, и Франция могут на собственном опыте убедиться: отсутствие простого и практичного режима управления — того самого, благодаря которому Англия удерживает свою Индийскую империю (где 300 миллионов туземцев управляются 50 тысячами европейцев), — ведет к тяжелым последствиям. В результате Франция в Марокко постоянно ввязывается в конфликты, развивающиеся вопреки её ожиданиям, а Россия вынуждена продолжать изнурительную борьбу с проблемами, порожденными фигурой Зелим-хана.

Август 1912 A. L. C.

II.

Зелим-хан и бандитизм на Кавказе. Вот уже двенадцать лет кавказский «разбойник», неуловимый абрек, печально известный Зелим-хан, сеет ужас по всей стране. Двенадцать лет русская армия тщетно преследует его в лесах и горах Чечни и Дагестана. Девять лет правительство и кавказская администрация ищут новые способы борьбы с этим грозным противником. И Зелимхан не только остается на свободе, продолжая свои дерзкие вылазки, но и увеличивает число своих сторонников, неизменно находя средства восполнить любые потери, понесенные его отрядами. Вокруг этого необъяснимого факта выросла настоящая легенда.

Даже в мирное время, в 1912 году, Российская империя призвала под знамена 435 513 человек; она содержала в казармах 1 500 000 солдат — число, превосходившее объединенные силы Германии, Австрии, Италии и Турции. Имея в своем распоряжении полуторамиллионную армию, 200 000 казаков, жандармерию и десятки тысяч конных стражников в селах, это могущественное государство оказалось не в силах одолеть небольшой отряд Зелим-хана. В результате многолетней ожесточенной борьбы оно понесло лишь огромные материальные убытки и моральный ущерб.

Стоит ли удивляться, что эта фантастическая эпопея породила мнение о Зелимхане как о персонаже вымышленном — плоде испуганного воображения населения или же хитрой выдумки местной администрации, стремящейся поддерживать в крае военное положение ради собственных выгод? Чтобы дать представление о масштабах происходящего, не перечисляя всех подвигов абрека, достаточно вспомнить несколько эпизодов последних двух лет. Они наглядно покажут, какой размах приобрел разбой на Кавказе.

1. **В начале 1910 года**, Зелим-хан похищает богатого овцевода, по имени Месяцев. Чтобы освободить его, он требует выкуп в размере 18 000 рублей (47 000 франков).
2. **20 марта того же года**, средь бела дня, Зелим-хан похитил богатого овцевода по фамилии Месяцев. Для его освобождения абрек потребовал выкуп в размере 18 000 рублей (47 000 франков).
3. **9 апреля того же года**, средь бела дня, Зелим-хан совершил дерзкое нападение на правительственное казначейство в Кизляре. Слухи о готовящемся набеге

циркулировали заранее: уже два дня все знали, что отряд Зелим-хана движется к Кизляру и его прибытие ожидается к полудню. Несмотря на то, что здание казначейства охраняла вооруженная рота Ширванского полка, около полудня 9 апреля отряд Зелим-хана ворвался в город боевым порядком и атаковал учреждение. В ходе перестрелки рота понесла потери: казначей и несколько солдат погибли от пуль Зелимхана и его людей. Нападавшие стремительно скрылись на лошадях, захватив с собой около 41 024 рублей (108 000 франков). Посланные вдогонку отряды преследования оказались безуспешными; при этом они потеряли 16 человек убитыми и 4 ранеными (всего 20 человек выбыло из строя, включая двух офицеров).

4. **В октябре 1910 года**, Зелим-хан атаковал отряд князя Андроникова в Ассинском ущелье и убил князя и нескольких казаков.
5. **Зелим-Хан атакует казначейство Нальчика.** Его люди взламывают дверь здания и бросаются на стражников. Рота бросается вперед, отбивает их и преследует, но им удается скрыться, забрав раненых.

15 сентября 1911 года, у села Ботлих на границе Терской и Дагестанской областей, Зелим-Хан отличился еще одним кровавым подвигом. В официальном пресс- релизе, об этом событии сообщается так:

Тбилиси, 16 сентября. *В канцелярию В канцелярию Наместника Кавказа и в Департамент связи поступило известие из Темир-Хан- Шуры об особо безрассудном нападении банды, очевидно, возглавляемой печально известным Зелим-Ханом, на членов комиссии, инспектировавшей дороги. В состав комиссии входили подполковник Чикалин, военный инженер связи, начальник второго отдела Тифлисского отделения; инженер Орловский, руководитель работ Дагестанского отделения; инженер Юцевич, начальник третьего отдела; и главный контролер Тифлисской казны Варченко. Комиссию сопровождал эскорт из 14 человек под командованием офицера. Комиссия покинула Ботлих ночью 15 сентября, несмотря на предупреждение о планируемом нападении. Едва комиссия добралась до урочища Керкета, где дорога петляет по ущелью у подножия отвесных скал, она попала в засаду. Нападение было настолько неожиданным и стремительным, что ничего не подозревавшие путешественники даже не успели оказать сопротивления. Инженеры Орловский и Варченко, офицер эскорта, все охранники и трое кучеров были убиты на месте. Судьба Юцевича осталась неизвестной (он пропал без вести), а инженер Чикалин попал в плен. Однако, по последним сведениям, ему всё же удалось вырваться из рук разбойников и бежать, несмотря на полученные легкие ранения. Об этом свидетельствует телеграмма, полученная только что от него и состоящая всего из двух слов: «Я возвращаюсь».*
Между тем, по делу о разграблении Кизлярской казны семь человек были арестованы и преданы суду. Военный трибунал, рассматривавший это дело 31 мая 1912 года, вынес следующие приговоры: Меджид Тасуев приговорен к смертной казни; Халил Махлитов — к 15 годам каторжных работ; Абдул-Муслим Махмутов и Иван Орлов (казак, принявший ислам) — оба к 6 годам лишения свободы. Остальные трое подсудимых были оправданы. Главные исполнители нападения и другие активные участники до сих пор не арестованы.

Известие об этом происшествии вынудило кавказское правительство предпринять все возможные меры для поимки неуловимого абрека. **В октябре 1911 года начальник Веденского округа**, получив от своих секретных агентов сведения о том, что Зелим-хан ожидается в селе Старая Сунжа (в 20 километрах от Грозного), немедленно телеграфировал начальнику военного округа Моргания.

Для захвата Зелим-хана был сформирован карательный отряд численностью около 500 человек: две пехотные роты, полусотня казаков и столько же всадников Дагестанского конного полка. В воскресенье, около трех часов ночи, этот отряд скрытно окружил село, соблюдая все необходимые меры предосторожности. Лейтенант Епифанов с группой солдат направился к двум домам братьев Адуевых, где, согласно разведданным, должен был скрываться Зелим-хан со своими сподвижниками.

На этот раз казалось, что Зелим-хан наконец попал в руки властей. Однако судьба распорядилась иначе. Когда солдаты приблизились к домам Адуевых, дверь одного из них внезапно распахнулась, и на пороге появились пятеро туземцев, вооруженных винтовками. Раздались выстрелы, и солдаты открыли ответный огонь. Первые же пули насмерть поразили лейтенанта Епифанова и ранили солдат Лашенко, Гренова и Адулина. Со стороны чеченцев были ранены братья Адуевы и две женщины. Воспользовавшись возникшей суматохой, Зелим-хан и его люди прорвали кольцо оцепления и скрылись.

Без сообщения от официального информационного агентства российские газеты, вероятно, вообще не решились бы опубликовать эту новость, опасаясь, что власти расценят её как нападение на армию; кроме того, событие могли бы счесть мистификацией.

18 октября 1911 года в Грозном состоялись торжественные похороны лейтенанта и солдат, погибших в Старой Сунже. Зелимхан же остался на свободе. Нетрудно представить, какое впечатление произвело это событие на население Кавказа, и понять, почему фигура абрека стала легендарной. Однако на этом неудачи кавказских властей не закончились. 10 декабря 1911 года в российских газетах — как официальных, так и частных — появились сообщения следующего содержания:

Грозный, 10 декабря. Зелим-хан. *Начало конца. Знаменитый абрек Зелим-хан, вместе с несколькими своими товарищами, осажден вооруженными силами в пещере. Он отчаянно обороняется. В перестрелке уже погибли двое и четверо ранены. На поле боя отправлены подкрепления.*

Владикавказ, 10 декабрь. *Получена телеграмма о том, что Зелим-хан окружен в горах Веденского округа. Идет перестрелка. Положение Зелим-хана безнадежно.*

Вот еще несколько дополнительных новостей о Зелим Хане: *«Князь Караулов, глава Веденского округа, разыскивавший Зелим-Хана, получил секретную информацию о прибытии знаменитого абрека, с некоторыми из своих людей в окрестности села Хорочой, его родины. Зелим-хан, несомненно, планировал провести зиму в пещере, расположенной среди безлюдных скал в труднодоступном месте. Пещера оборудована для проживания. Вчера утром отряд князя Караулова сумел обнаружить его. Когда солдаты приблизились, раздались выстрелы. Окружив пещеру и спрятавшись под скальными навесами, солдаты вступили в бой с абреками.*

Ожесточенная перестрелка продолжалась на протяжении всего дня с краткими затишьями в боях. Двое всадников убиты и четверо ранены. Потери абреков неизвестны».
«Отряд Зелим-хана укрылся в пещере, где он был осажден войсками. К осаждающим из Грозного направлено подкрепление: две с половиной сотни казаков Дагестанского и Веденского полков, а также саперы с зарядом пироксилина. План операции заключается во взрыве пещеры. Полагаем, что дни, а возможно, и часы Зелимхана уже сочтены.».

Но этого не произошло. И на этот раз, несмотря ни на что, Зелим-Хан спасся, убив нескольких солдат.

Вот рассказ о побеге Зелим-хана по неофициальным данным «Голос Кавказа»: *Необыкновенный побег Зелим-хана был организован на удивление просто. Когда командир войск князь Караулов вступил с ним в переговоры через пастуха — родственника абрека, — предложив сдаться в плен, Зелим-хан ответил:*

«Передайте начальнику округа: я сдамся ему и его отряду только в том случае, если он прямо сейчас предъявит мне указ или документ от имени Царя, в котором сказано, что все штрафы, наложенные на невиновных, будут отменены, а все задержанные из-за меня — помилованы и освобождены от ссылки. В противном случае передайте князю Караулову: сегодня, до полуночи, несмотря ни на что и ни на кого, я покину эту пещеру. А до тех пор буду ждать его ответа».

Князь Караулов отправил парламентария обратно, чтобы продолжить дипломатические переговоры. Зелимхан отвечал не менее искусно. Переговоры велись без перерыва всю ночь, но к утру Зелимхан бесследно исчез.

Вот как описывает это исчезновение администратор Кавказа. *Перед рассветом из пещеры внезапно вышел человек в бурке и башлыке, увешанный сверкающим и гремящим оружием, и прыгнул со скалы в пропасть. Казаки, поначалу ошеломленные, бросились в погоню; этот инцидент вызвал неописуемый переполох в лагере осаждающих. Крики, выстрелы, суматоха... Лишь спустя время выяснилось, что закутанный в бурку «абрек», бесстрашно бросившийся в бездну, был всего лишь чучелом, смастеренным Зелим-ханом из самовара, котла и старой одежды, которое он сбросил в пропасть, чтобы обмануть войска. Пока военные преследовали эту куклу, сам Зелим-хан спокойно вышел из пещеры и скрылся по горным тропам.*

Неудивительно, что Зелим-хан казался местным жителям и русскому населению непобедимым героем, которому не страшна вся русская армия. Владикавказ — военный центр Кавказа и оплот российской власти в регионе — гудел от слухов и рассказов о неуловимом абреке. Зелим-хан превратился в призрака, в местного Харуна аль-Рашида. Он появлялся то здесь, то там: то в образе казачьего офицера, то в лохмотьях нищего, то в облике уличного торговца.

Преследуемый полицией и армией, он оставался неуловимым. Страшась Зелим-хана одинаково и в Грозном, и в Кизляре, и в Пятигорске с Кисловодском, люди были убеждены: никакая сила не спасет их от него. «В нашей губернии возможно всё», — говорили жители Владикавказа скептикам. — Зелим-хан — хозяин своего слова. Если он говорит, что кого-то похитит, значит, так и будет. Солдаты и казаки ничего не могут

с этим поделать». Однако фактически регион находился в состоянии войны: пешие и конные патрули, роты солдат, звенящие винтовками, казаки, скачущие рысью. Казалось, что огромная вражеская армия осаждает города Кавказа, угрожая взять их штурмом. Люди теряли самообладание, их охватывала всеобщая паника, а няньки пугали непослушных детей колыбельными с угрозами: «Погоди, я отдам тебя Зелим-хану!»

III .

Кто же такой Зелим-хан? Простой разбойник, преступник ради собственной выгоды или мститель за бесчинства и притеснения, которым подвергалось коренное население Кавказа? Зелим-хан всегда носил с собой портрет Шамиля. И одного этого факта достаточно, чтобы убедиться, что этот ужасный абрек считает себя борцом за дело народа. Зелим-хан объясняет свои разбойные действия местью.

Вот что он написал одному из офицеров, своему единоверцу Доногуеву: *«Теперь знайте, что я убивал представителей власти за то, что они незаконно сослали моих бедных людей в Сибирь. Сейчас в Сибири девять моих родственников, все они невиновны. Затем, когда полковник Попов был главой Грозненского округа, произошло восстание и ради своего самолюбия, представители власти и армии устроили резню бедных, несчастных людей. Узнав об этом, я собрал свой отряд и разграбил поезд в Кади-юрте. Я убил там из мести. Затем, как и Вас сейчас, за мной приставили некоего полковника Вербицкого. Вскоре он совершил зверства. Для начала он и его войска штурмовали открытый базар в селе Гудермес и убивали бедных людей на рынке. Власти санкционировали и одобрили незаконные действия Вербицкого. Я являюсь абреком уже десять лет, и за все это время я не совершал никогда таких ужасных поступков, которые Вербицкий совершил за один час. Итак, я собрал своих людей и приготовился атаковать Кизляр, чтобы отомстить Вербицкому, потому что он был главой Кизлярского района. И я заранее предупредил его, что я иду на Кизляр».*

Как бы мы ни принимали эти объяснения Зелим-хана и верим мы или нет в его искренность, одно остается несомненным, что заявленные им мотивы имеют большое значение для местного населения. Они придают его подвигам идеалистическую основу и даже ценность его борьбе, за общие интересы. Разбой на Кавказе в целом и действия Зелим-хана в частности, породили ряд статей в российской прессе.

Среди работ, посвященных этому вопросу, особого внимания заслуживают замечательные **статьи г-на А. Пешехонова, опубликованные в журнале «Русское богатство» в июле, сентябре и ноябре 1911.** Г-н Пешехонов, ранее служивший в армии в Дагестане, хорошо знаком с местной обстановкой. Он основывает свои выводы не только на тщательном изучении документов, но и на личных наблюдениях. Автор ярко описывает ситуацию, которая вынуждает горцев Кавказа постоянно носить оружие и фактически толкает их на путь разбоя. По его словам, ответственность за бандитизм на Кавказе целиком лежит на российских властях.

Г-н Пешехонов подробно рассказывает о «временном добровольческом отряде Вербицкого», сформированном для борьбы с разбойниками. Сам Вербицкий, по словам

Пешехонова, был «довольно благосклонен к местному населению». «Люди — не скот, — писал он в ежедневном приказе. — Если они не подчиняются приказам, против них следует применять штыки, сабли или пули, но не кнуты и кулаки».

Однако на деле всё обернулось иначе. Узнав, что на базар в Гудермесе, где обычно собирается до пяти тысяч чеченцев, должна прибыть группа разбойников для продажи краденого скота, Вербицкий решил воспользоваться ситуацией, чтобы провести массовое разоружение населения.

Офицеры тайно получили приказ — даже без ведома местной полиции — прибыть со своими людьми в Гудермес, окружить рынок и отобрать оружие. Торговцы внезапно подверглись нападению казаков, которые, крича: «Отдавайте кинжалы! Сдавайте оружие!», начали грабить их. Офицер и казаки били кнутами и прикладами винтовок сначала тех, кто медлил со сдачей оружия, а затем всех подряд.

Старшина аула, шеф села Анзор Дунаев свидетельствовал: *«Я услышал шум, похожий на удары прикладами винтовок. Подбежав, я увидел трех местных жителей, лежащих на земле без сознания.*

— Что случилось? — спросил я.

Тогда казачий офицер Яицков повернулся ко мне и спросил:

— А ты кто такой?

Когда я ответил: „Я старшина аула“, офицер закричал: „Бей его!“, осыпая меня оскорблениями. Он сам трижды ударил меня кнутом по голове и плечу. Затем урядник (казачий унтер-офицер) продолжил бить меня кнутом, а казаки прикладами винтовок выбили мне один передний зуб на верхней челюсти и два на нижней; кроме того, они расшатали еще два».

На базаре разбойников не обнаружили; однако некоторые жители, внезапно подвергшиеся нападению, попытались оказать сопротивление, и казаки открыли огонь. Они убили троих и ранили еще десять человек. Отряд Вербицкого также понес потери: один человек и одна лошадь были ранены. В общей сложности у жителей было захвачено 8 старых винтовок, 2 револьвера и 98 кинжалов. Они также забрали некоторое количество других предметов, особенно серебра; казаки не пренебрегали и монетами. Все убитые были мирными и невинными туземцами. Можно понять, какое впечатление произвела на население эта необычная мера защиты от разбойников. В своих отношениях с представителями государственной власти, коренное население сталкивается с насилием и алчностью, о котором неоднократно сообщал сам Вербицкий, разоблачая сговор чиновников. Именно насилие туземцы встречали и со стороны разбойников. Но вскоре они поняли, что могут защитить и сами свою собственность легче, иногда отбивая набеги, иногда платя выкуп, чем с помощью русских властей, поскольку, те лишали мирных жителей оружия и затем оставляли их беззащитными перед разбойниками. Русские власти преследуют «преступников-отступников» и требуют, чтобы туземцы их выдали.

«Но, -злобно спрашивал представитель ингушей ***Хангихой Ахметханов на съезде в Грозном,*** *- Если пристав (полицейский комиссар) ворует, можно ли его причислять к „преступникам-отступникам“? В таком случае нам пришлось бы сослать всех*

приставов. Пятьдесят лет я служу русскому царю и за это время не видел ни одного пристава, который был бы доволен царским жалованьем. Дайте нам руководителей, которые служат за царскую плату и которые не грабят нас!»

Таким образом, раздражая население жестокостями всякого рода, незаконными поборами и несправедливостью, власти оказались бессильны в борьбе с небольшим отрядом Зелимхана. И всё же кавказская администрация пустила в ход все средства в войне против горного разбойника. За голову Зелимхана была назначена награда в 2500 рублей. Это означало, что любой гражданин Российской империи мог стать палачом и собственноручно привести приговор в исполнение без суда, но под прикрытием администрации. Более того, этой мерой Зелимхан был официально объявлен вне закона.

Государство поступило с ним так же, как он сам поступал с государством: оно приостановило действие всех правовых норм. Теперь каждый прохожий имел право застрелить его, как собаку. Неизвестно, как давно цивилизованные страны отказались от архаичной практики объявления вне закона, но обращение к ней далеко не исчерпывает всех странных аспектов этой кавказской войны между властью и преступниками. Обе стороны прибегают к самым фантастическим методам, носящим восточный колорит.

IV.

Еще до того, как Зелим-Хан был объявлен вне закона, его семья была арестована и заключена в тюрьму; вскоре после этого вышло распоряжение о ссылке в Сибирь жителей двух соседних аулов (ингуши — один из народов Терской губернии). Но и это ещё не всё. После нападения Зелимхана на отряд Андроникова в Ассинском ущелье 20 сентября 1910 года губернатор Терской губернии генерал Михеев, не сумев самостоятельно захватить абрека, решил сурово наказать ингушей Ассинского ущелья, несмотря на полное отсутствие доказательств их причастности к нападению. Генерал объявил ингушам, что они лишаются права пользоваться землями казачьих резерваций, где они поселились вскоре после покорения Кавказа, то есть пятьдесят лет назад.

Коренное население этой губернии состоит из:

- чеченцев, численностью 227 000 человек.
- Осетины-124
- Кабардины-99
- Ингуши-53
- Кара-Нога-36
- Кумыки-31
- Другие горные народы-36

На этих землях вскоре появились красивые усадьбы, окруженные фруктовыми садами и возделанными полями. Незадолго до своей гибели в Ассинском ущелье князь Г. Андроников обратился к губернатору с ходатайством о прямой передаче казачьих земель ингушам через Крестьянский поземельный банк. **Как сообщал корреспондент газеты «Русское слово»**, князь писал, что его пугала сама мысль о нарушении договоренностей, достигнутых с ингушами.

Тем не менее генерал Михеев настаивал на коллективном наказании всех жителей Ассинского ущелья. В результате они были лишены своих земель с обязательством вывезти имущество в четырехмесячный срок. Легко представить себе смятение, охватившее жителей поселений и все местное население. После серии народных сходов **жители двадцати сел приняли следующее заявление:**

Мы, нижеподписавшиеся, выслушав доклад старшины о репрессиях, упомянутых в речи Его Превосходительства губернатора Терской губернии перед представителями ингушского народа относительно событий, произошедших 20 сентября в Ассинском ущелье, а также ознакомившись с положением ингушского народа, ***пришли к следующему выводу:***

На протяжении своей многострадальной истории ингушский народ, географически окруженный осетинами, кабардинцами, грузинами, чеченцами и русскими, занимал территорию, служащую естественным путем сообщения между всеми этими народами. В силу такого географического положения следы преступлений часто оказывались на нашей земле, даже если сами преступники принадлежали к иным этносам.

Такое положение дел постепенно привело к тому, что имя „ингуш“ стало синонимом слова „преступник“. Этим воспользовались те, кто был заинтересован в том, чтобы отвлечь внимание администрации и судебной власти от истинных виновников. В результате вся тяжесть репрессий легла на ингушский народ, который, таким образом, в большинстве случаев оказывается виновным без всякой своей вины.

В сложившихся условиях, а также опасаясь новых бедствий, которые могут нас постигнуть, мы искали наилучший выход из положения, обозначенного Его Превосходительством Губернатором губернии, и ***единогласно приняли следующие решения:***

1. Создать в аулах конную стражу численностью в двести человек из местных жителей для поимки банды Зелим-хана, а также для охраны наших границ от проникновения преступников всех мастей и предотвращения их злодеяний.
2. Эта стража будет состоять исключительно из ингушей — от рядовых до командного состава, — поскольку лишь такой национальный состав гарантирует достижение вышеозначенной цели.
3. Комиссия, состоящая из представителей ингушского народа, будет отвечать за установление правил приема в сельскую полицию и за назначение ее руководителей, с обязательством принимать только тех людей, чья честь и неподкупность гарантированы общиной.
4. Начальник Назрановского округа, которому комиссия представит списки кандидатов с указанием их имен, примет на себя общее руководство стражей немедленно после утверждения настоящего заявления и формирования полицейских сил.
5. Та же комиссия, возглавляемая Начальником Назрановского округа, будет отвечать за распределение сотрудников полиции по различным пунктам, вдоль линии обороны.

Комиссия обратится к губернатору с **просьбой подготовить и опубликовать свод инструкций для этих сельских полицейских сил.**

1. Расходы на содержание сельских стражников будут покрываться за счет специального налога, размер и порядок его взимания будут определены той же комиссией.
2. Обеспечить необходимое количество берданок, а также боеприпасов, за счет ингушского населения.

Установить график заработной платы для «сельских охранников.

1. Любой, кто захватит Зелим-хана живым, получит награду в 5000 рублей. Награда за его доставку мертвым составит 2.500 рублей. За подтвержденную информацию о его местонахождении будет выплачено 1000 рублей.
2. Семьи сельских стражников, погибших во время операций против банды Зелим-хана, получат в качестве компенсации 1000 рублей — семьям нижних чинов и 2000 рублей — семьям офицеров.
3. Любой ингуш, уличенный в предоставлении убежища Зелим-хану или его сообщникам, а также в оказании им содействия, если этот факт будет должным образом установлен, будет изгнан с ингушских земель. Его имущество будет конфисковано в пользу сельского общества.
4. Все мужчины старше 15 лет обязаны принести клятву в том, что они никогда не предоставят убежища Зелим-хану, его семье или близким, не окажут им помощи, равно как и любым иным преступникам. Они клянутся воздерживаться от краж в течение жизни и немедленно доносить ближайшим властям о местонахождении Зелим-хана, его сообщников или любого иного преступника, как только им станет об этом известно.
5. Кроме того, они обязуются собственноручно принять все необходимые меры для задержания любого нарушителя данной клятвы. Община составит протокол о совершенном деянии и направит его властям вместе с виновным, ходатайствуя о его пожизненном изгнании.
6. Настоящее заявление должно быть представлено Его Превосходительству Губернатору Терской области, в качестве общего ходатайства представителями ингушского народа, в подтверждение чего мы подписываемся.

(Далее следуют подписи.)

Ингуши действительно пытались вручить это заявление генералу Михееву, однако губернатор отказался их принять. ***«Не вижу никакой необходимости в переговорах с ингушами до тех пор, пока Зелим-хан жив и действует в их среде», — ответил генерал на просьбу делегации об аудиенции***. Отказ последовал и от вице-губернатора полковника Н. Гаубова, к которому они обратились за заступничеством. В качестве первой карательной меры с них были взысканы 40 000 рублей под видом недоимок по налогам.

Методы генерала Михеева, как известно, спровоцировали острые дебаты по «кавказскому вопросу» в III Государственной думе. 5 ноября мусульманская фракция и социал-демократы обсуждали репрессии, примененные против мирного населения в ходе преследования Зелим-хана. Как говорилось в обращении, борьба администрации Терской области с печально известным абреком вылилась в меры, которые не потерпела бы ни одна цивилизованная страна. Эти действия направлены не столько против Зелим-хана и его отряда, сколько против мирного и невиновного ингушского населения.

«Известно ли Наместнику Кавказа, что администрация Терской области применила ко всему ингушскому населению ряд репрессивных мер, выразившихся, в частности: в разрушении двух аулов; в принудительном переселении в четырехмесячный срок жителей хозяйств, существовавших десятилетиями на арендованных казачьих землях; в немедленном взыскании 40 000 рублей; в сборе налога в размере 25 рублей с каждого домохозяйства в пользу семей погибших и раненых из отряда капитана Данагуева; и, наконец, в лишении ингушей права избирать своих сельских старшин?»

Этот эпизод наглядно иллюстрирует тенденции политики российского правительства на Кавказе. Не сумев арестовать самого Зелим-хана, власти принялись за его семью, родственников и соседей, а в конечном итоге массово лишили ингушей земли — их единственного средства к существованию. Именно земельный вопрос является главной причиной того неописуемого бедствия, которое порождает вечный бандитизм на Кавказе. Человек, у которого отобрали пахотные земли и пастбища, не имеет иного выхода, кроме как взяться за оружие и стать абреком. Это решение обеспечивает ему средства к существованию и пропитанию семьи, а также позволяет отомстить за все обиды и бесчинства. В этом и заключается суть дела.

Следует отметить, что это зло усугубляется особой природой российского империализма. Бесцеремонность всех колониальных держав по отношению к собственности и земле коренных народов общеизвестна. Однако нигде практика экспроприации территорий не приобретала такого масштаба и характера, как в землях, завоеванных российским оружием.

Фактически, вопрос о рынке сбыта российской продукции всегда играл второстепенную роль в политике территориальных завоеваний России. Это была политика крупных землевладельцев, жаждущих земли, которые провоцировали захват более слабых соседних народностей ради присвоения лучших угодий. Российская пресса в свое время много писала о шумном захвате башкирских земель. Те же события повторились в Туркестане и Центральной Азии. Что касается Маньчжурии, то официальные документы свидетельствуют о случаях пыток и жестоких телесных наказаний, которым подвергались китайские чиновники (не говоря уже о простых гражданах), отказавшиеся отдать земли, по праву им принадлежащие.

Если российская бюрократия проявила такую бесцеремонность в отношении земель высокопоставленных китайских чиновников в стране, еще не находившейся под полным российским контролем, то какая сдержанность могла обуздать амбиции, подпитываемые земельными богатствами уже завоеванного Кавказа? Именно здесь следует искать объяснение невероятному факту: правительство, опирающееся на полуторамиллионную армию, за двенадцать лет не смогло справиться с небольшим отрядом Зелимхана.

Можно запутаться в догадках о причинах неуловимости Зелимхана. Как отмечалось выше, скептики утверждают, что он — всего лишь вымышленный персонаж, миф, служащий дымовой завесой для прикрытия сомнительных махинаций полиции. Другие, признавая существование Зелим-хана, полагают, что он был обычным разбойником, чье имя просто стало собирательным образом, вобравшим в себя все дерзкие подвиги самых авантюрных абреков последних лет.

Что же касается самих фактов разбоя, то здесь сомнений быть не может. От сообщений официальной и неофициальной прессы до тел убитых казаков — всё свидетельствует об их реальности. Среди различных версий, пытающихся объяснить феномен Зелимхана, одна из самых распространенных как в российских, так и в местных кавказских кругах — это версия о соучастии администрации. Существование Зелимхана было выгодно властям, позволяя поддерживать край в состоянии войны. Ходили слухи, что высокопоставленные российские чиновники были непосредственно причастны к грабежам, получая свою долю добычи. Эти обвинения порой исходили даже от официальных лиц. В качестве доказательства приводится доклад, представленный вышестоящему руководству начальником 2-го участка Назрановского округа Аджиевым.

19 мая 1909. Село Сурхохи. *За два месяца до похищения овцевода Месяцева житель аула Аксай Абил-Хасбулат Аджиев сообщил мне во Владикавказе, где я в то время исполнял обязанности комиссара 1-го участка, о готовящемся преступлении. По его словам, начальник Хасавюртовского округа полковник Котляревский был организатором этого дела. Сначала я не поверил ему и так прямо ответил, считая невозможным, чтобы начальник округа, полковник, мог быть причастен к подобным махинациям.*

Однако, согласно показаниям Бабокова, банды абреков тайно собирались на мельнице некоего Кафура Кабардиева, жителя села Аксай, где обсуждали выбор жертвы. Именно Котляревский предложил им ограбить Месяцева, заявив, что похищение самого овцевода или его жены принесет солидный выкуп. Как и предсказывал Бабоков, преступление было совершено спустя два месяца. Тогда он вновь явился ко мне во Владикавказ и сказал: „Ну, не верили? Теперь видите…“

Подтверждаю истинность изложенного. Бабоков готов засвидетельствовать эти факты под присягой. В случае его отказа я требую очной ставки с ним.

Подпись: Начальник 2-го участка Назрановского округа А. Аджиев».

Полковник Котляревский, о котором идет речь, в конечном итоге был отстранен от должности и предан суду. Однако, не дожидаясь приговора, он покончил жизнь самоубийством. Весной 1912 года дело всё же поступило в судебное производство по иску родителей покойного, стремившихся реабилитировать его имя. Несмотря на то, что его непосредственное участие в похищении не ставилось под сомнение, Котляревский был осужден за то, что помог обвиняемым абрекам скрыться от правосудия. Суд признал это обвинение обоснованным **(см. газету «Речь», 3 мая 1912 г.).**

Есть и другие факты. Упомянутый выше Вербицкий в своих докладах губернатору области неоднократно указывал на «преступное бездействие» некоторых чиновников администрации, покровительствующих бандитам. Он делал это с такой настойчивостью и в таких выражениях, что генерал-губернатор, несомненно, должен был заподозрить: дело не ограничивается простым бездействием.

Если вспомнить недавнее убийство министра внутренних дел Столыпина агентом охранного отделения Богровым или организацию убийств великого князя Сергея Александровича и министра Плеве агентом того же ведомства Азефом, то гипотеза об участии отдельных российских полицейских агентов в кавказском бандитизме приобретает серьезные основания.

Любопытно, что некоторые представители администрации сами придерживаются этой точки зрения. Например, генерал Флейшер, исполняющий обязанности начальника Терской области, распоряжением от 22 мая 1912 года заявил всем начальникам округов и атаманам отделов, что возлагает ответственность за существование бандитских группировок не на население, как это было принято ранее, а лично на начальников округов и их заместителей. Вскоре в Грозненском военном суде начнется серьезный процесс по делу военного старшины (казачьего командира). Вербицкий и целая группа агентов, чиновников, есаулов и комиссаров полиции обвиняются в неспособности принять необходимые меры для ареста банды Зелим-хана. Этот судебный процесс, возможно, наконец раскроет тайну неуловимости Зелим-хана.

V.

Следует добавить, что среди представителей администрации, выступающих сторонниками репрессивной системы против мирного населения, многие видят главную причину невозможности поимки Зелим-хана в существовании на Кавказе определенных религиозных братств. Считается, что именно они обеспечивают доктринальную основу его действий и оказывают ему поддержку. Так, генерал Шатилов, направленный в сентябре 1911 года для проверки этих сведений, заявил в своем докладе наместнику Кавказа князю Воронцову-Дашкову, что главной причиной неуловимости Зелим-хана является поддержка всего чеченского народа и, в особенности, секты «Зикр».

В постановлении наместника Кавказа от 27 октября 1911 года, касающемся репрессий против чеченцев «за непрерывное укрывательство Зелим-хана в течение двенадцати лет», содержится следующий отрывок:

«Серьезным препятствием для захвата Зелим-хана является особая секта, именуемая „Зикр“, последователи которой — мюриды — составляют его отряд и снабжают его оружием, патронами и всем необходимым».

На ту же тему мы читаем в цитируемой выше статье господина Пшехонова:

Недавно среди ингушей распространились два религиозных течения, последователей которых называют товба лецар нах («люди, принявшие покаяние», или «благочестивые люди»).

***Первое** из них, основателем которого является Батал-Хадж (проживающий в селе Сурхохи), отличается фанатизмом, бесстрашной отвагой, а также нетерпимостью, доходящей до разрыва отношений с родственниками, не принадлежащими к секте. Это течение нередко связывают с актами насилия и убийствами. Внешними признаками его членов служат подстриженная борода, обязательное ношение берданки (винтовки), двух пистолетов и длинного кинжала.*

***Второе течение**, основанное Кунта-Хаджем (который впоследствии исчез), пользуется всеобщей симпатией ингушей. Оно насчитывает гораздо больше последователей и распространилось вплоть до Большой Чечни. Его адепты отличаются смирением и благочестием; вместо оружия они носят лишь палки и белые тканевые пояса.*

***Общим для обоих течений является зикр** — особый обряд, совершаемый после обычного намаза. Во время него прославляются добродетели и деяния пророка Мухаммеда, что сопровождается хлопками в ладоши, ритмичными движениями и прыжками до полного изнеможения.*

***Секта «Зикр» (также известная как «секта шейхов-мюридов»),** согласно официальным данным, появилась на Кавказе 20–25 лет назад. Считается, что зикристы заимствовали свои верования и обряды у кружащихся дервишей Константинополя. Администрация жестоко преследует зикристов, обвиняя их в том, что они якобы считают Зелим-хана святым и укрывают его.*

«Семь наиболее опасных шейхов вместе со своими семьями были сосланы с Кавказа сроком на пять лет постановлением Наместника от 26 октября 1911 года».

VI.

Следует отметить, что почти вся российская пресса осуждает репрессии, принявшие характер религиозных преследований. Для любого объективного наблюдателя очевидно, что основная причина бандитизма на Кавказе и неспособность властей его подавить кроются не в каких-либо местных особенностях, не в существовании «секты зикристов», как пытаются доказать некоторые, и не в соучастии или провокациях отдельных чиновников, как утверждают другие. Истинная причина лежит в плоскости общей экономической и политической организации управления Кавказом.

Мы полностью солидарны с мнением дагестанского депутата Хайдарова, который заявил в Государственной думе 23 мая 1912 года:

«С момента завоевания Кавказа в экономической и социальной жизни населения не *произошло ни одного улучшения. Военное управление, действовавшее в Терской и Кубанской областях с 1888 года, привело лишь к разорению и нравственному падению коренного населения, внесло раздор в народную среду и вызвало необычайный рост бандитизма. Это болезненное следствие неудовлетворенных потребностей народа. Исправить ситуацию можно только путем улучшения положения горцев, а не посредством репрессий или же собственного бандитизма администрации. Ссылка целых семей за проступок одного члена глубоко возмущает горцев и не приводит ни к каким результатам, кроме увеличения числа абреков. Телесные наказания, система шпионажа и взаимных доносов производили тот же эффект».*

Население никоим образом не несло ответственности за нападения Зелим-хана; напротив, оно заранее предупреждало власти, но тем не менее было наказано чрезмерными штрафами, а целые семьи сосланы в Сибирь. Необходимо положить конец этим репрессиям и учредить сенаторскую ревизию для обследования Терской и Дагестанской областей. Кроме того, следует ввести в этих регионах институт земства

(систему местного самоуправления), предоставив местному населению широкие полномочия для самостоятельной борьбы с преступностью.

Известный депутат Государственной думы Н. С. Чхеидзе сформулировал ситуацию на Кавказе еще более четко, изложив свою точку зрения следующим образом:

«Обман — вот первая заповедь российского господства на Кавказе. Всё обещается на словах, но на деле школы превратились в места, где высмеиваются лучшие чувства молодежи; то, что осталось от старой культуры, частично разрушено, частично разграблено; земли растрачены или конфискованы; сама религия вызывает подозрения и подвергается гонениям. Закон превратился в безжизненный формализм, а труд народа стал объектом безжалостной эксплуатации».

Кавказу необходимо то же, что и всей России: ликвидация всех «исключительных положений», немедленная отмена позорного крепостничества, прекращение колониальной политики, порождающей лишь национальную ненависть, и, наконец, введение широкой местной автономии и национальных просветительских мер. Это самый минимум того, что необходимо Кавказу. Вся думающая Россия поддержала бы эти слова Хайдарова и Чхеидзе.

Меры, предложенные кавказскими депутатами, являются единственным эффективным средством борьбы с бандитизмом. Ведь бандитизм слишком часто служил лишь предлогом для репрессий, которые губят мирное население областей и препятствуют их интеллектуальному, материальному и социальному прогрессу, несмотря на то что этот прекрасный край является самой замечательной жемчужиной в короне Российской империи.

Мишель Павлович

Примечание о транскрипции: *Полная и дословная транскрипция двадцати семи страниц на основе снимков экрана. Орфография, пунктуация, ударение, кавычки и курсив оригинала сохранены. Курсивная буква «z» с длинной нисходящей ножкой, используемая журналом для транскрипции русской буквы «з» :(Kazan, «Голос Кавказа», Назрань, «зикр», «Богатство», «летц-нах») является особенностью шрифта, а не отдельной буквой: везде оно передается как «z».*

Источник статьи:
«Дипломатический архив, Цифровая дипломатическая библиотека».
Заметки о мусульманах Кавказа. Журнал «Мир мусульман», (Revue du monde musulman) том XX, 1912, с. 135–161.
Предисловие подписанно А. Л. К.

НАША СПРАВКА:

О журнале. Французский журнал «Revue du monde musulman» (в русском академическом обороте иногда переводят как «Мир ислама» или «Мир мусульман»).Издание основали в 1906 году. Оно выходило в Париже (издательство Ernest Leroux) и было связано с Марокканской научной миссией. Сначала журнал был ежемесячным, позже стал выходить раз в три месяца. Его цель — давать широкую картину мусульманского мира: в нём публиковали материалы о мусульманах Китая, Индии, Индонезии, Марокко (тогда под французским протекторатом), Египта, Турции, Ирана и России. При этом журнал меньше внимания уделял французским колониям вроде Алжира или Сенегала. Значительная часть материалов была посвящена текущим событиям: например, конституциональной революции в Иране, младотурецкой революции в Османской империи, итало-турецкой войне, а также реформистским мусульманским движениям.

О статье Мишеля Павловича. Одна из заметных публикаций — статья Павловича «Notes sur les musulmans du Caucase» («Заметки о мусульманах Кавказа», сентябрь 1912 года, страницы 139–161). Она была посвящена абреку Зелимхану (Гушмазукаев из чеченского селения Харачой, 1872–1913). В этой работе Павлович сурово критиковал российское государственное управление на Кавказе. Он указывал на несправедливость мер, которые применялись к ингушскому и чеченскому населению: по его мнению, именно эти действия властей отчасти и порождали образ «народного героя» вроде Зелимхана. Редактором специального выпуска был Альфред Ле Шателье. В вводной статье к этому блоку материалов он объяснял интерес журнала к проблемам управления мусульманами на Кавказе. Ле Шателье считал, что историческая, социологическая и правовая критика поможет европейским (в том числе российским) властям избежать ошибок в политике по отношению к мусульманскому населению. Интересно, что параллельно в России выходил свой журнал — «Мир ислама» (первый номер в начале 1912 года). Но, как отмечают исследователи, в нём подход к освещению подобных тем был более осторожным и компромиссным. Поэтому многие идеи, которые Павлович смог чётко выразить во французском «Revue du monde musulman», в российском издании нашли бы меньше возможностей для открытой публикации.